

Н. Н. СТЕПАНОВ

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АМУРЕ И ГОЛЬДАХ

Первой русской экспедицией на Амур, как известно, была экспедиция под начальством Вас. Пояркова. В 1643 г. Вас. Поярков вышел из Якутска, с верховьев притока Алдана Учюра перевалил на реку Зею, впадающую в Амур, и по Зее спустился на Амур. В дальнейшем Поярков выплыл по Амуру в море, весной 1645 г. пошел вдоль морского берега до устья реки Ульи и Ульей и Маей в 1646 г. вернулся в Якутск. Вслед за этой первой экспедицией на Амур последовал в 40-х гг. XVII в. и ряд других, в том числе и знаменитая экспедиция Хабарова.

Этим экспедициям на Амур предшествовали сведения, полученные русскими об Амуре и его населении. Получены они были от тунгусов и юкагиров и представляют значительный интерес именно как первые сведения об Амуре и его населении.

Во II томе «Дополнений к Актам Историческим» был напечатан документ, вызвавший и вызывающий до настоящего времени большой интерес и вместе с тем значительные недоумения и породивший самые различные толкования исследователей, — «Наказная память десятнику Елисею Бузе, отправленному на реку Индигирку для открытия реки Нероги, впадающей в Северный океан»¹. Отметим, что заголовок документу дан редактором II тома ДАИ, исходя из его понимания текста документа.

Приведем нужное нам место из документа полностью.

«В нынешнем во 150 году енисейской служивый человек десятник Елеса Буза привез в Якутской острог трех аманатов юкагирских, шамана Балганча, да Игмонту, да Далгуна; а в Якутском остроге в съезжей избе те аманаты в роспросе сказывали: есть де река именем Нерога, а прилегла де та река Нерога вершиною близко Индигирской реке, ходу де с той реки Индигирской на Нерогу на оленях безо вьюков неделя, и к Янской де вершине та ж река Нерога вершиною прилегла, а от Янской де вершины до той реки Нероги оленного ходу месяц, а пала де та Нерога река в море своим устьем; а на той де реке Нероге, от устья морского недалече, в горе, в утесе над рекою, серебряная руда, а повыше де той серебряной руды немного на той же реке живут люди на яру, род Наттыла, юрты де деланы у них в земле, и у тех де людей серебра много, а люди те пешие, оленей у них и лошадей нет, а река де рыбна добре, и те люди кормятся рыбою». Такие показания дали юкагирские аманаты в Якутске в 1641—1642 гг. про реку Нерогу и про живущих на ней пеших людей.

Московская администрация внимательно отнеслась к этим показаниям — основное значение здесь имели показания о серебряной руде — и дала наказ якутскому воеводе: «про ту реку Нерогу проводывать накрепко у всех иноземцов» и «роспрашивать, есть ли такова река Нерога? и будет есть и прямо ль на ней есть серебряная руда, и многие на той реке люди у руды есть ли, и каковы люди, и далече ли ход из

¹ «Дополнения к Актам Историческим» (в дальнейшем ДАИ), т. II, № 98.

той реки до Индигирской вершины?» Наказ заканчивался обычным для того времени предписанием «государю служба и радение свое показать» и итти походом на реку Нерогу.

В показаниях юкагирских аманатов, бесспорно, перемешаны вместе реальные данные и фантастические слухи. То, что индигирские юкагиры, а также и индигирские ламуты, знакомы были с серебром, не подлежит никакому сомнению. Документальные данные прямо указывают на наличие у них серебряных изделий в виде украшений. Так, в 1672 г. на «погроме» индигирских юкагиров Григ. Пуциным у одного из юкагиров был захвачен «нагрудник юкагирской з двумя кружками серебряными, а кружки де были один в две гривны, а другой в гривну»². В это же время у индигирских ламутов был взят «нагрудник ламутской женской с кругами серебряными»³. О наличии серебряных изделий у юкагиров рассказывал и Посничко Иванов, руководитель одной из первых русских экспедиций на Яну и Индигирку. В 1640 г. он сообщил в Якутск: «...да у юкагирских же де... людей серебро есть, а где они серебро емлют, того он, Посничко, не ведает»⁴.

Источник серебра юкагирские аманаты в 1642 г. показывали на реке Нероге, текущей в море,— там «в горе, в утесе над рекою серебряная руда». Сведения о горе с серебряной рудой являются, без сомнения, фантастическими, так же, как в свое время фантастическими оказались слухи о такой же горе на реке Верхней Тунгуске, владельцами которой якобы являлись тунгусские князцы Окунь и Келтя; посланная на Верхнюю Тунгуску специальная экспедиция Я. Хрипунова (1628—1629 гг.) не обнаружила никакой серебряной горы⁵. Реальным зерном во всех этих слухах о серебряной горе на В. Тунгуске оказалось лишь то, что у тунгусов были серебряные изделия в виде украшений, которые они получали от бурятов и монголов; к последним серебро в свою очередь шло из Китая⁶. Реальным зерном и в рассказах юкагирских аманатов в 1642 г. является, без сомнения, тот факт, что юкагиры получали серебряные изделия откуда-то с юга, а всего скорее с Охотского побережья от охотских тунгусов и ламутов. На Охотском побережье русские люди у местного населения наблюдали серебряные украшения в самой различной форме: в виде слитков, «прутьев», и колец, и кругов. Недаром Ив. Крыжановский, приказчик Охотского острога, человек, прославившийся своим лихоимством, в конце 80-х годов XVII в. в весьма широких размерах «имал в почесть» от охотских тунгусов и ламутов «круги и колца серебряные»⁷.

Но что это за река Нерога и род Наттыла? Редактор II тома ДАИ, давший заголовок документу — «Наказная память десятинику Елисею Бузе, отправленному на реку Индигирку для открытия реки Нерога, впадающей в Северный океан»,— считал, таким образом, реку Нерогу одной из рек, впадающих в Ледовитый (Северный) океан. Позднейшие исследователи давали иные толкования. В. И. Огородников предполагал, что Нерога — «одна из рек, впадающих с севера в Охотское море», а река Наттыла — «тунгусский (ламутский) род»⁸. Вслед за ним и А. М. Зилотарев видел в показаниях о роде Наттыла «первое упоминание о ре-

² Архив Ленингр. отделения Института истории АН СССР (в издании ДАИ), Якутский фонд., карт. 208, стб. 6.

³ Там же, карт. 213, стб. 5.

⁴ ДАИ, т. II, № 88; ЛОИИ, Якутский фонд, карт. 155, стб. 95, 96.

⁵ См. А. П. Окладников, Очерки по истории западной Сибири, т. II, 1937, стр. 45—49.

⁶ Н. Н. Степанов, Межплеменной обмен в Восточной Сибири на Амуре и на Охотском побережье в XVII веке, «Ученые записки Ленингр. гос. ун-та. Серия исторических наук», вып. 5, Л., 1939.

⁷ ЛОИИ, Якутский фонд, карт. 223, стб. 1.

⁸ В. И. Огородников. Из истории западной Сибири. Записки Якутской земли, Чита, 1922, стр. 38.

ших тунгусах Охотского берега»⁹. Позже он же усматривал в роде Наттыла юкагиров¹⁰. Гипотезы редактора II тома ДАИ о реке Нероге и В. И. Огородникова и А. М. Золотарева о реке Нероге и роде Наттыла не могут быть, однако, приняты. Мы не знаем реки Нероги, впадающей в Ледовитый океан или Охотское море, а в списке родов пеших тунгусов или юкагиров в XVII в. рода Наттыла нет.

В настоящее время представляется возможным дать иную расшифровку этого любопытного документа. Документ этот напечатан в «Дополнениях к Актам Историческим» по неисправной миллеровской копии. В архиве Ленинградского отделения Института истории я обнаружил оригинал документа. В нем читаем не «род Наттыла», а «род Натты»¹¹.

В названии Натты, видимо, можно видеть один из вариантов того племенного названия, каким тунгусы называли гольдов. В русской документации XVII в. оно фигурирует в вариантах Натки, Наткань¹². А. Ф. Миддендорф дает его как Ньгатку¹³.

Итак, «род Наттыла», столь загадочный раньше, расшифровывается как тунгусское название гольдов. Подчеркнем, что описание образа жизни рода «Натты» (землянки, оленей и лошадей нет, кормятся рыбой) полностью согласуется со всем тем, что нам известно об образе жизни гольдов в XVII—XVIII вв.

Таким образом, в этих показаниях юкагиров следует видеть одно из первых упоминаний в документах XVII в. о народах Амура, в частности о гольдах. Обменные отношения между охотскими тунгусами и амурскими гольдами давали свои боковые ответвления, в частности на Индигирку, куда доходили смутные сведения о «роде Натты», кормящемся рыбой и имеющем серебро,— сведения, обраставшие фантастическими слухами о серебряной руде.

Укажем, что анализ источников этих слухов о серебряной руде приводит нас также к народностям Амура. В 1669 г. в том же Якутске казак Степан Щербаков дал следующие показания: «слышал де он, Стенька, про серебряную руду Тугурского зимовья от ясачных тунгусов от Ишаки да от Паргауля, а они де Ишаки и Паргауль слыхали от отцов своих и от братьей впрямь и сами видали, что де серебряная руда есть на усть Амура реки, и отцы де их серебряную руду и серебро принашивали к себе; а как де то место называют, где то серебро родитца, тово де они не упомнят». Тунгусы, о которых говорил Щербаков, оказались в Якутске и сидели в аманатах. Допрошенные в тот же день Ишаки и Паргауль дали следующие любопытные сведения: «сами де они не видали, где серебряная руда есть, а слыхали де они от отцов своих и от братьей и от родников своих, что серебряная руда есть на усть Амура реки, а плавят де ис тое серебряной руды серебро иноземцы ж розных родов — Куви да Лонки да Голдики да Натки и иных розных родов, а те де люди живут на усть Амура реки по обе стороны. Да они ж слыхали от брата своего, от Гургокты, что де он сам видал и бывал, где то серебро родитца, и он де, Гургокта, серебро плавленное с того места принашивал к себе. И отцы де их и родники у тех иноземцев же у Кувей, и у Лонок, и у Гольдик, и у Натък покупают на соболи и на лисицы серебро слитками и прутьями и кольцами и кругами, а круги де большие и малые носят они на грудях, а кольца на шее. А итти де до тех мест, где серебро родитца, морем в судах скорым ходом месяц.

⁹ А. М. Золотарев, Новые данные о ламутах и тунгусах XVIII века, «Историк-марксист», 1938, № 2, стр. 70.

¹⁰ См. А. М. Золотарев, Первые сведения о юкагирах и чукчах, «Историк-марксист», 1939, № 2, стр. 188.

¹¹ ЛОИИ, Якутский фонд, карт. 189, стб. 20, сст. 45.

¹² Л. Шренк, Об инородцах Амурского края, т. I, СПб., 1883, стр. 116—118.

¹³ См. А. Ф. Миддендорф, Путешествие на север и восток Сибири, ч. II, стр. 757.

а тихим ходом полтора месяца или два месяца»¹⁴. В этих показаниях тугурских тунгусов фигурируют почти все амурские народности. Кроме гольдов (голдики и натки), здесь налицо и айны (куви)¹⁵ и ульчи (лонки)¹⁶. От них тунгусы получают различные серебряные украшения. Налицо здесь и серебряная руда, так же как и в показаниях 1642 г. индигирских юкагиров, столь же отдаленная и таинственная («морем в судах скорым ходом месяц, а тихим ходом полтора месяца или два месяца»).

Показания индигирских юкагиров 1642 г. о роде Натты — одни из первых сведений в документах XVII в. о народах Амуре, но не самые первые.

Первые сведения об Амуре и народностях Амуре связаны с экспедицией Копылова — Москвитина, отправленной в 1636 г. из Томска на Лену¹⁷. Один из отрядов этой экспедиции под начальством Ив. Москвитина в 1639 г. достиг Охотского побережья и позже, получив сведения от охотских тунгусов об Амуре, сделал первую попытку в истории продвижения русских в XVII в. в Амурский бассейн пробиться к Амуре, — попытку, окончившуюся, однако, неудачей. Наступивший голод и потеря проводников-тунгусов не дали возможности выйти далеко на юг. «И Ивашка-Юрьев и Семейка толмач и служивые люди, не доходя Чии реки, назад воротились для того, что оголодали и вожей не стало, тунгусы отбили»¹⁸. Вполне понятно желание немногочисленного русского отряда разведать сразу же по получении первых известий Амурский край. Охотские тунгусы сообщили толмачу отряда о богатствах нового, неизведанного края. «Да те же тунгусы сказывают про реку Омуть, и та де река великая, а по ней живут тунгусы Шамагири, оленные люди, а сходятся те люди с иными людьми, с Натканы, а язык у тех людей свой, а не тунгуской, продают тем людям соболи, а у тех людей емлют серебро и чаши большие медные и в тех чашах есть варят, и одекуй идет от тех же людей и кумачи, и те Нянканы живут у Ламы промежу рек в стрелке. А те товары идут с иной реки, серебро и медь и одекуй и кумачи. Река есть Амур от конных людей, те люди хлеб сеют и вино сидят по русски кубами медными и трубами, да в тех же людях водятся петухи и свиньи, и кросна ткут по русскому, и от тех людей возят к Натканом муку по Амуре, в стругах плавают»¹⁹.

Охотские тунгусы рассказали толмачу отряда Москвитина о нескольких народностях Амурского края — тунгусах, гольдах и даурах («конные люди»). В омутских тунгусах (Шамагири) вряд ли можно видеть негидальцев, как то делал Л. Шренк²⁰. В составе негидальцев нет рода Самагир. Как было выяснено в наше время, в гарино-амгунских самагирах нужно видеть тунгусский род, подвергшийся в последнее время значительному влиянию гольдов²¹. Натканы, нянканы, как мы видели

¹⁴ «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.», Сборник архивных документов, Л., 1936, стр. 147—148.

¹⁵ Куви — амурское название айнов (см. А. М. Золотарев, Из истории народов Амуре, «Исторический журнал», 1937, № 7).

¹⁶ Лонки — один из родов ульчей (см. Т. И. Петрова, Ульчский диалект айнского языка, М.—Л., 1936, стр. 7, 9).

¹⁷ Об истории экспедиции см. нашу статью «Первая экспедиция русских на Тихий океан», «Изв. Всесоюзного географического об-ва», т. LXXV, вып. 2, 1943.

¹⁸ Чия-Зей, приток Амуре (Архив Академии Наук СССР (АН), ф. 21, оп. 4, № 30, л. 80).

¹⁹ Архив Академии Наук, ф. 21, оп. 4, № 30, л. 80. В пересказе эти данные давал еще Г. Ф. Миллер, видевший в реке Омуть реку Амгунь («Историческое сочинения», 1796, ч. СХХI, стр. 7). Эту расшифровку привнес в Л. Шренк («Об инородцах Амурского края», т. I, СПб., 1883, стр. 116). Текст пересказа впервые опубликован мной в «Известиях Всесоюзного географического об-ва», т. LXXV, вып. 2, 1943.

²⁰ См. Л. Шренк, Об инородцах Амурского края, т. I, СПб., 1883, стр. 116.

²¹ См. «Тунгусский сборник», 1, Л., 1931; «Гарино-Амгунская экспедиция 1925 г.», Л., 1929.

выше, — гольды. Наконец, описание населения на Амуре, занимавшегося земледелием, дает первые штрихи о даурах.

Рассказы охотских тунгусов рисуют также картину экономических связей народностей Амурского края и Охотского побережья, — картину оживленных обменных отношений, покоившихся на различном характере производства у различных народов. Тунгусы-охотники сбывали на Амур пушнину — соболей, от дауров шла мука, ткани (кумачи), медные изделия (чаши для изготовления пищи), одекуй и серебряные изделия для украшений. Гольды в известной мере являлись посредниками в этом тунгусо-даурском обмене.

Интересной иллюстрацией — комментарием — к этим данным XVII в. является любопытное предание самагиров с реки Горина (левый приток Амура), данное в пересказе в свое время В. И. Огородниковым. Самагиры с товарами (в том числе и серебро) отправлялись на север «к тунгусам и к другим людям, что живут еще дальше тунгусов», для обмена их на пушнину. По счету поколений, фигурирующих в предании, факты, сообщаемые в последнем, относятся к концу XVII в. Берестяная самагирская карта, имевшаяся в распоряжении Огородникова, изображает и путь самагиров на север. Путь этот шел с реки Горина на Амгунь, далее к верховьям реки Тугура и к нижнему течению реки Уды. По пересечении реки Уды и горного хребта Джугдшур путь выходил или к верховьям реки Учюра, или к одному из южных притоков реки Маи (обе — притоки Алдана)²².

Так проникали на север к тунгусам и юкагирам сведения об Амуре и его населении. От охотских тунгусов и индигирских юкагиров эти сведения получили и русские в конце 30-х и начале 40-х гг. XVII века.

²² См. В. И. Огородников, *Покорение Юкагирской земли*, стр. 39, 40.